

Бессрочный марафон

Михаил Швыдкой

Министр культуры Российской Федерации Ольга Любимова четко выразила позицию ведомства в ответ на инициативу Михаила Лермонтова, председателя Общественного совета Минкультуры, о проверке театрального репертуара на предмет его соответствия – ни много ни мало – «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Цитирую слова министра: **«...В соответствии с законодательством Российской Федерации Минкультуры России не вправе вмешиваться в творческую деятельность учреждений культуры, этот процесс носит самостоятельный характер»**. И далее: **«Цензура в нашей стране недопустима в соответствии с Конституцией»**. Кажется, что расставлены все точки над «i», но на самом деле это не под силу ни одному чиновнику даже министерского ранга. Знаю по собственному опыту, потому что сам не раз напоминал озабоченным представителям общественности, которые врывались то на выставки, то на сценические подмостки, о том, что они давно не перечитывали Конституцию нашей страны. И о том, что любые запреты в отношении произведений искусства могут быть осуществлены только по решению суда.

В случае спектакля театра «Современник» «Первый хлеб», в котором общественная организация «Офицеры России» усмотрела нарушение Закона «Об административной и уголовной ответственности за публичное унижение чести и достоинства

ветеранов и распространение заведомо ложных сведений о них», такой – судебный – поворот событий вовсе не исключен. Следственный комитет РФ уже начал проверку этой постановки по факту обращения общественности. Поэтому О. Любимова была юридически корректна: «Вместе с тем, если в сфере культуры имеют место нарушения действующего законодательства, то компетентные органы вправе дать им соответствующую оценку. Наша задача – обеспечить всесторонний диалог со всеми аудиториями, дать возможность высказаться всем сторонам и, если потребуются, совместно принять взвешенное решение по актуальным вопросам, волнующим общественность». В нынешних предлагаемых обстоятельствах точнее не скажешь.

Как показывает опыт, даже «взвешенные решения» никогда не будут окончательными. Потому, что политика – искусство возможного, а деятели искусства мечтают о невозможном. И потому, что вкусы общества, как правило, консервативнее творческих новаций.

Поэтому диалог между властью, обществом и художниками – непрерывный процесс. Особенно при многообразии российского социума, несхожих представлениях о советском прошлом, разнонаправленных интересах художественной среды, отсутствии нормативной идеологии и нормативной эстетики. Впрочем, ничего нового в этом процессе нет. Подобные дискуссии вели еще во времена греческой античности.

Вопрос – в качестве диалога. В уровне его профессионализма. В понимании специфики художественного творчества. Искусство драматургии – это конфликт, столкновение противоборствующих – положительных и отрицательных – героев, каждый из которых отстаивает свою правду. Нелишне напомнить и о художественной целостности произведения искусства, которое порой требует и шокирующих творческих ходов, способных вызвать протест у тех или иных зрителей. Явись шекспировский «Король Лир» сегодня, нашлись бы люди, полагающие, что ослепление Глостера на глазах у публики – это перебор, требующий изъятия из текста трагедии. Напоминаю об этом потому, что в спектакле «Современника»

особое возмущение представителей общественности вызвали Лия Ахеджакова и ее монолог. Но ни Олег Табаков, ни Леонид Броневой не отвечают за слова своих героев в «Семнадцати мгновениях весны», хотя к ним можно предъявить серьезные претензии с точки зрения ныне действующего законодательства. Вопрос о том, насколько актер или актриса несут ответственность за слова драматурга, и режиссерское решение можно при желании считать юридическим, но без квалифицированных театроведов здесь не обойтись – хотя бы для того, чтобы принять «взвешенное решение».

В СССР была жесткая цензура. Контролю подвергали не только текст, но и то, что называлось неконтролируемыми ассоциациями. Но даже в СССР при принятии запретительных мер, связанных с известными художниками, шли непростые, чаще всего скрытые от широкой общественности, дискуссии. Всем было известно, что если какую-то пьесу запрещают в Министерстве культуры РСФСР, то ее можно «пробить» в Министерстве культуры СССР. Темы, невозможные в театрах, пропускали в кинематографе и т.д. Наконец, была высшая инстанция – ЦК КПСС, где, как известно, некоторые решения в сфере литературы и искусства принимали на уровне Политбюро ЦК. Нормативная идеология и нормативная эстетика выстраивали систему «красных флажков», выход за которые требовал мужества не только творческого, но и гражданского. Причем не только от художников, но и от чиновников. Именно поэтому далеко не всякий прорыв за эти «красные флажки» объявляли антисоветским. Достаточно вспомнить лучшие произведения литературы, театра, кинематографа о Великой Отечественной войне, их высочайший художественный уровень, который потрясал общество еще до 1987 года, когда цензура начала утрачивать свое всемогущество.

Именно в ту пору моя давняя швейцарская коллега с горечью сказала мне: «У вас отменили цензуру, – великому русскому театру пришел конец!» И, увидев мое недоумение, пояснила: «В подцензурной культуре вы ни о чем не могли говорить прямо, – эзопов язык рождал художественные шедевры!» Ответил ей любимой

цитатой из Альбера Камю: «Искусство балансирует между двумя пропастями – легкомыслием и пропагандой. На гребне хребта, по которому идет вперед большой художник, каждый шаг – приключение, величайший риск. В этом риске, однако, и только в нем, заключается свобода искусства».

Михаил Швыдкой